

чинений этих «почитателей», все они — именно «паразиты» в греческом значении этого слова.

Очень откровенно сопрягаются литературный «паразитизм» и сервиллизм с такими понятиями, как «сын отечества» и «польза общества» в «Эпистоле» Павла Денбовеца 1770 г.

Любитель истины, достойный дворянин
И польза общества усердствующий сын, —

обращается к своему меценату автор в первых строках своей «Эпистолы». Дальше он переходит на прозу, впрочем, весьма откровенную: «Я, с самого моего малолетства не имея никаких сродственников, благодетелей и покровителей, часто старался искать милости моими в учености трудами у таких особ, которые богатством были изобильны и кои могли весьма свободно снабдить меня в бедном состоянии; но вся моя ревность и труды были тщетны < . . . > Знаки твоих (т. е. Дмитриева-Мамонова. — В. З.) добродетелей довольно меня уверяют, что ты благосклонно призиришь на мое прошение. О, если бы судьба благоволила видеть тебя своим мне покровителем, то бы, отложив все беспокойства, касающиеся к подкреплению моего состояния, крайнее приложил рачение к наукам и, просветивши оными свой разум, веселым бы духом сие провозгласил:

Воззри, отечество, на сердце сего сына:
Для счастья людей цветет его судьбина.
Мамонов мне тогда блаженство даровал,
Когда под бременем я бедности стонал.
Ничто не повредит души моей покою,
Когда сень крыл твоих прострется надо мною».

Аналогична по смыслу обращенная к Дмитриеву-Мамонову «Ода» Михайлы Угрюмова:

Но о какой мне кант воспеть
Предстателю и меценату!
Ты сердце в век сокрыл ко злату,
А в щедрости подобных нет.

Вполне закономерно, что в стихах «ученика Московского университета» в ход идет ломоносовская поэтика, образность, фразеология, синтаксис:

Но кая сила утомляет
Мой шумом пораженный слух;
Не злость гигантов ли являет
И зиждет гóру тел сих вдруг;
Не реки ль громко зашумели
И хляби Этны заревели,
Смутить чтоб злом всей чести взор?
Ах, нет: те страшные громады
Здесь ждут от щедрости награды
И радостных тьму зиждут гор.